

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: БЕЛАРУСЬ-РОССИЯ

Автор: Г. Н. СОКОЛОВА

СОКОЛОВА Галина Николаевна - доктор философских наук, профессор, зав. отделом Института социологии НАН Беларуси (E-mail: gnsok@cosmostv.by).

Аннотация. Анализируются стартовые возможности, активы и пассивы, "коридор экономических и социальных возможностей" белорусского и российского обществ в условиях нового этапа "догоняющей" модернизации. Обосновано, что проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана - без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы - залог успеха любого национального проекта модернизации.

Ключевые слова: модернизация * "догоняющая" модернизация * социальная структура * технологический уклад * инновационно-технологический прорыв

Об идее модернизации можно говорить, по крайней мере, в трех смыслах. В первом, наиболее общем, модернизация - синоним всех прогрессивных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Второй смысл, который вкладывается в данное понятие, тождественен "современности", т.е. означает комплекс экономических, социальных, политических и культурных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX-XX вв. Классические социологические работы в этой области принадлежат О. Конту, Г. Спенсеру, К. Марксу, М. Веберу, Э. Дюркгейму и Ф. Теннису. Наконец, есть еще одно, специфическое значение термина "модернизация", относящееся к развивающимся странам и описывающее их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые существуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального пространства. В этом случае понятие "модернизация" описывает движение от периферии к центру современного общества и определяется как "догоняющая модернизация".

Современная концепция "модернизации" была сформулирована в середине XX в., во времена распада европейских колониальных империй и появления большого количества новых государств. С середины XX в. происходило переосмысление роли западных государств и стран третьего мира в модернизации. Распространенные в 1940 - 1960-е годы теории однозначно признавали эталонными для модернизации других стран наиболее развитые западные страны. Под модернизацией понимался процесс вытеснения традиции современностью или восходящее развитие от традиционного общества к обществу современному. При этом признавалось, что традиция тормозит социальный прогресс и ее необходимо преодолеть. Развитие всех государств рассматривалось с универсалистских позиций - оно должно было происходить в одном направлении, иметь одни и те же стадии и закономерности.

Второй этап (1960 - 1970-е гг.) отмечен критикой и переоценкой идеи первого этапа - акцент делался на научно-технической революции, признавалось, что современные общества могут включать немало традиционных элементов и что модернизация способна усиливать традицию (С. Хантингтон, З. Бауман). Особое внимание стало уделяться проблеме "стабильности" политического развития как предпосылке социально-экономического прогресса. С этой точки зрения, условием успешности модернизации является обеспечение стабильности и порядка благодаря диалогу между элитой и массами. Но, например, С. Хантингтон считал, что главной проблемой модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его приобщенностью к политической жизни и несовершенством государственных механизмов артикулирования его интересов [Хантингтон, 2004]. С конца 1980-х годов - на третьем этапе развития теории модернизации признается возможность национальных проектов модернизации, осуществляемых на основе накопления технологически и социально передовых опытов и их внедрения в гармоничном сочетании с историческими традициями и традиционными ценностями незападных обществ (А. Турен, Ш. Эйзенштадт). При этом признается, что модернизации могут осуществляться без навязывания западного опыта, а нарушение равновесия между современностью и традиционностью приводит к острым общественным конфликтам и неудачам модернизации. Суть преодоления традиций видится не в том, что они принципиально отвергаются, а в том, что в некоторых ситуациях, которых со временем становится все больше, социальными регуляторами выступают не традиционные жесткие социальные нормы и модели поведения, обусловленные религией или общинными прецедентами, но вызванные нормами индивидуального выбора, а также личными ценностями и преимуществами. И эти ситуации в процессе модернизации все больше из сфер производства перемещаются в повседневную жизнь, чему способствуют уровень образования, информированность и изменение ценностей в обществе.

Нынешняя теория модернизации освободилась от всех наслоений эволюционизма и теории развития; она уже не настаивает ни на единственной конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений. Модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, высокие жизненные стандарты, ценности образования, свободу личного выбора и др.

Возрождение теории модернизации с 1980-х годов связано со стремлением постсоветских обществ "войти" или "вернуться" в современный западный мир. Были выдвинуты проекты "теории неомодернизации" [Tiryakian, 1992] и "теории постмодернизма" [Alexander, 1992]. В свете опыта постсоветских государств возникла необходимость пересмотра теории модернизации и видоизменения ключевых положений этой теории. П. Штомпка сводит пересмотренные положения теории модернизации в единую систему, из которой мы попробуем выделить те, что наиболее значимы для постсоветских обществ [Штомпка, 1996: 181 - 185].

В качестве движущей силы модернизации уже не рассматривается политическая элита, действующая "сверху". В центр внимания ставится мобилизация масс, т.е. деятельность "снизу", которая часто противостоит инертным и консервативным государственным органам. Модернизация не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, которое цепляется за традиционные ценности и уклад жизни. Речь идет о массовом стремлении граждан изменить условия своего существования в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации или личных контактов. Вместо единой, универсальной модели современности (в классической теории это модель США), в научный оборот входят идея "движущихся эпицентров современности" и как венец ее - понятие "образцовые общества", введенное Тириакианом. Постсоветские страны не обязательно должны следовать американской модели, и в целом западная модель развития - не единственный образец, которому нужно подражать.

Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразными, многоликими процессами. Все яснее осознается, что темпы, ритм и последствия модернизации в разных областях социальной жизни различны и что в реальности наблюдается отсутствие синхронности в усилиях по модернизации. Р. Дарендорф предостерегает против "диалектики трех часов", обращенных циферблатом к постсоветским странам. Если для осуществления конституционной реформы достаточно шести месяцев, то в экономической сфере может не хватить и шести лет. На уровне глубинных

пластов жизни, отношений и ценностей, составляющих современное "гражданское общество", обновление может затронуть несколько поколений [Dahrendorf, 1990].

Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, того (по выражению Штомпки) "неуловимого и неощутимого", без которого модернизация не может быть успешной. Понятие "современная личность" не рассматривается более как символ желаемого эффекта модернизации, а признается, скорее, непременным условием экономического старта.

Антитрадиционалистские рефлексии ранних теорий корректируются теперь указанием на то, что местные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенции. Поскольку отказ от традиций может спровоцировать мощное сопротивление, постольку предлагается использовать их. Необходимо выявлять "традиции модернизации" и брать их на вооружение для дальнейших преобразований.

Таким образом, теория модернизации вновь обрела жизнеспособность, выступая в качестве совокупности средств истолкования и конструирования феномена постсоветского переходного периода. Анализируя проблему модернизации, широко обсуждаемую в России, российский социолог О. Яницкий обращает внимание на то, что современной постановке вопроса модернизации в российском дискурсе недостает системности и последовательности. Он выстраивает свою *логику анализа* этой проблемы в жанре свободной дискуссии, рассматривая (применительно к России): "стартовые возможности" российского государства; его активы и пассивы; коридор возможностей модернизации [Яницкий, 2011: 136 - 145]. Сам порядок обсуждения модернизационных процессов уже требует размышлений. Попробуем реализовать предложенную модель модернизации, в ключе сравнительного анализа Беларуси и России, с позиций экономического социолога, с выделением характерных для этой дисциплины технологических и социальных проблем развертывания модернизационных процессов.

Различают два типа модернизации - органическую и неорганическую. **Первичная**, органическая модернизация проходила в странах, которые были новаторами на этом пути, и разворачивалась благодаря внутренним факторам, в частности, коренным изменениям в сфере культуры, ментальности, мировоззрения. Ее становление связывают с появлением национальных централизованных государств, зарождением буржуазных отношений, в частности капиталистической кооперации и мануфактуры, формированием раннемодерных наций, а подъем - с первой промышленной революцией, разрушением традиционных наследственных привилегий и внедрением равных гражданских прав, демократизацией, становлением национальных суверенных государств. **Вторичная**, неорганическая модернизация происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых государств и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, приглашения специалистов, обучения кадров за рубежом, привлечения инвестиций. Ее основной **механизм - имитационные процессы**. Начинается же она не в сфере культуры, а в сфере экономики и/или политики и в последнем случае определяется как "догоняющая" модернизация или "модернизация с опозданием". В рамках парадигмы "вызов-ответ", такая модернизация представляет собой своеобразный "вызов", на который каждое общество дает свой "ответ" в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому её итогом является необязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к постиндустриальному производству.

В целом, модернизация рассматривается как процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных инновациях и ведущий, в конечном счете, к смене типа его экономической и социальной структуры, политической организации, повышению благосостояния **всех** слоев населения, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы. Модернизация имманентно присуща процессам мирового экономического развития, поэтому актуализируются вопросы: в **какой** точке процесса мировой модернизации находятся Беларусь и Россия? **Каковы** активы и пассивы этих стран? И наконец, **каков** "коридор экономических и социальных возможностей" модернизации в Беларуси и России?

Местонахождение в процессе мировой модернизации (стартовые позиции) определяется тем, что как Беларусь, так и Россия сегодня - страны с незавершен-

ной индустриализацией, обремененные наследием распада советской системы. Если США и ЕС находятся в фазе перехода от пятой к шестой форме модернизации (т.е., от информационной к биотехнологической), то Беларусь и Россия пребывают в незаконченной четвертой (индустриальной) фазе. Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации и в экономическом, и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только технико-технологические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. Так, в Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы шли на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 80%), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений и в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда предприятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т.д.), и в социальной сфере (снижение уровня жизни и обеднение средних слоев, резкое падение индекса социального оптимизма и т.д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть *технологической проблемы* для постсоветских стран состоит в том, что третий и четвертый технологические уклады представляют собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связаны практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до 1/3 всего труда составляет ручной труд, 1/5- ручной труд с механическими инструментами, 1/3- машинный труд и лишь 1/10- полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы (третьего и четвертого технологических укладов) зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

По оценке американского экономиста и социолога Дж. Ю. Стиглица, переход, стартовавший в начале 1990-х годов, таил в себе как великие вызовы, так и великие возможности. России необходимо было одновременно осуществлять перераспределение ресурсов и заново создавать системы рыночных институтов. В России имелись институты, которые назывались *так же*, как и на Западе, но это не значит, что они осуществляли те же самые функции. В России были банки, и эти банки хранили сбережения, но они не принимали решений о том, кому нужно дать кредиты; на них не ложилась ответственность за мониторинг и обеспечение того, чтобы кредиты были возвращены. Они вместо этого просто предоставляли "фонды" так, как им это диктовал Госплан. В России имелись фирмы и предприятия, производившие товары, но не предприятия принимали решения; они производили то, что им было приказано производить, а ресурсы (сырье, материалы, труд, оборудование) получали по распределению. Главной сферой деятельности предпринимателей было нахождение путей обхода проблем, которые ставило перед ними правительство. Обход законов, а то и их прямое нарушение стали частью образа жизни. Как и в рыночной экономике, в советской системе существовали цены, но цены устанавливались распоряжением правительства, а не рынком [Стиглиц, 2003: 170 - 171].

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних) Беларуси и России как постсоветских государств определяется тем, что "догоняющая" модернизация в них связана с неизбежными социальными издержками. Активы Беларуси и России состоят в следующем: во-первых, это наличие значительного финансового резерва (например, - международные резервы банков названных стран, неиспользованные средства бюджета и др.), что позволяет наращивать государственный спрос без возникновения значимого дефицита бюджета; во-вторых, общая недоинвестированность экономики, и особенно инфраструктуры, открывающая основные направления применения этого спроса - модернизацию инфраструктуры и социальную поддержку; в-третьих, сохранение основного производственного капитала (ресурсной базы) - наиболее важных видов производства (в Беларуси - это машиностроение, тракторостроение,

производство ряда видов сложной бытовой техники; в России - электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс). Это то, что С. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии и методы генной инженерии) [Глазьев, 2010]. Согласно белорусскому экономисту В. Шимову, все эти отрасли нужно поддерживать, путем привлечения внешних ресурсов, но не кредитных, а акционерных, т.е. формируя межгосударственные и транснациональные корпорации [Шимов, 2010: 10]. К активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модернизации в определении и регулировании модели социально-экономического развития.

Что можно отнести к пассивам, определяемым как социальные проблемы, требующие решения? Произошло реальное ухудшение соотношения социального и экономического компонентов в государственной социальной политике в пользу последнего, что проявляется в процессах имущественного расслоения (это характерно для России). Средний денежный доход 10% наиболее обеспеченных россиян уже в 16,5 раза больше среднего дохода 10% наименее обеспеченных граждан. С учетом неофициальных доходов это различие достигает 30 и более раз. Группы, которые сложились еще к концу 1990-х годов, фактически законсервировались по размерам, сведя до минимума каналы вертикальной мобильности, что демотивирует трудовую и гражданскую активность значительной части населения. В Беларуси роль демотиватора выполняет уравнительная оплата труда работников, занятых в бюджетной сфере.

Произошло снижение уровня и ухудшение качества жизни населения, особенно социально уязвимых слоев населения. В частности, качественное здравоохранение и образование все в большей степени становится платным. По оценкам российских экспертов, теневой сектор в здравоохранении не уступает бюджетному и страховому финансированию, а образование стало одной из самых коррумпированных зон. В результате, всего 15 - 20% населения имеют возможность поддерживать свое здоровье на достойном уровне, дают детям конкурентоспособное образование. Исходя из этого, будущее состояние рабочей силы стран вряд ли способно взять на себя превращение белорусской и российской экономик в высокотехнологичные и наукоемкие.

Суть *социальной проблемы* состоит в том, что в ходе технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел, обуславливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизацией слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). По данным Всероссийского мониторинга (2010), "социальную базу модернизации можно оценивать в одну четверть населения. Именно такова доля среднего класса" [Беляева, 2011: 23]. По данным Республиканского социологического мониторинга в Беларуси, доля среднего класса как агента модернизационных процессов составляет 1/5 часть населения [Соколова, 2010а: 207].

В то же время основной массив занятого населения (до 80%) в Беларуси (как и в России) составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих нерыночные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в обществе, так и внутренних - преодоление патерналистских стереотипов, нацеленность на постоянное повышение профессионального образования, формирование социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только внедрять новые научно-технические достижения, но и модернизировать свою социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения.

В модернизации социальной структуры белорусского и российского общества есть общее - советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерным распределением доходов, доступностью образования (в том числе высшего) и жилья, защитой от малообеспеченности. И есть различия, а именно: различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение "шоковой терапии" в России. И та и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества - одному из основных индикаторов "расширения/сужения" коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси *эволюционная модель* способствовала обеспечению минимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. *Шоковая терапия* в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии "дикого капитализма" позволила определенным слоям накопить первоначальный капитал, который теперь используется на технико-технологическую модернизацию экономики и производства, способствовала более активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства.

Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в Беларуси и России ориентируются, начиная с 2000-х годов, на "стратегии инновационно-технологического прорыва", когда инновации выступают как "точки роста" в циклическом процессе общей модернизации, как "качественные скачки", обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому [Инновационный тип..., 2005: 232].

Однако о стратегии прорыва можно говорить при переходе от пятого к шестому технологическому укладу, между которыми существует преемственность; граница между ними лежит в глубине проникновения технологии в структуры материи и масштабах обработки информации. Пятый технологический уклад основан на применении достижений микроэлектроники в управлении физическими процессами на микронном уровне. Шестой технологический уклад основывается на применении нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной метра, что позволяет изменять молекулярную структуру вещества, проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя эти структуры.

Что касается третьего и четвертого технологических укладов, содержащих до 80% производственных ресурсов экономики Беларуси и России, то они принципиально не совместимы ни с пятым, ни, тем более, с шестым технологическим укладом. Вероятность того, что производства устаревшего технологического уклада за счет внедрения инноваций смогут быстро стать определяющими отраслями постиндустриальной экономики, весьма проблематична. И в этом состоит основная сложность модернизации промышленности через стратегии инновационных прорывов, разрабатываемых в инновационных центрах, таких как "Парк высоких технологий" в Беларуси и "Сколково" в России.

Анализ состояния и динамики экономической стратификации общества, как индикатора модернизационных процессов, показывает, чего мы достигли в ходе "догоняющей" модернизации "сверху" за последние десять лет (табл. 1).

Практика **социологических исследований** свидетельствует, что *нижний* слой -с доходом ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ; в Беларуси - 5,2%, в России - 12,8%), обладает низким деятельностным потенциалом и **не способен адаптироваться** к жестким социально-экономическим условиям переходного периода.

Таблица 1. Экономическая стратификация белорусского и российского общества по уровню располагаемых ресурсов на члена семьи в соотношении с БПМ (в % от числа опрошенных)

Страта с уровнем денежных доходов	Беларусь				Россия			
	2000	2004	2006	2010	2000	2004	2006	2010
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100
Ниже БПМ (нижний слой)	41,9	17,8	11,1	5,2	29,0	17,6	15,2	12,8
От 1 до 2 БПМ (средний слой)	43,8	55,4	51,3	30,2	48,4	34,4	30,8	41,3
От 2 до 4 БПМ (выше среднего)	13,3	25,8	31,3	51,1	15,7	30,0	35,2	23,4
Свыше 4 БПМ (верхний слой)	1,0	1,0	6,3	13,5	6,9	18,0	18,8	22,5
Коэффициент дифференциации доходов, в размах	5,8	5,2	5,6	5,9	13,9	15,2	16,0	16,5

Источники: [Статистический ежегодник..., 2010: 163 - 166; Российский статистический..., 2011: 179].

Средний слой- с доходом от 1 до 2 БПМ (в Беларуси- 30,2%, в России - 41,3%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут **адаптироваться** к новой ситуации **ценой снижения** социального и профессионального статуса. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой - *выше среднего* - с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси - 51,1%, в России - 23,4%) сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а **на адаптацию** к ней и зачастую на поиск путей выживания [Соколова, 2010b: 311 - 314].

Сравнительный анализ экономической стратификации белорусского и российского обществ (по уровню среднедушевых денежных доходов) свидетельствует, что динамика в направлении уменьшения нижнего слоя, некоторого уменьшения среднего, увеличения слоя "выше среднего" не меняет принципиальной ситуации: доля населения, не имеющего **прямого** влияния на ход модернизационных процессов, достигала в 2010 году в Беларуси - 86,5%, в России - 77,5%.

Вместе с тем формы и способы адаптационного поведения социальных слоев оказывают **опосредованное** влияние на ход процессов модернизации. В одних случаях оно может тормозить эти процессы, в других - ускорять, в третьих - изменять социальную направленность институциональных сдвигов по сравнению с тем, что проектировалось в государственных программах социально-экономического развития. Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 86,5% населения в Беларуси и 77,5% - России.

В рамках данной стратификации *верхним* слоем - свыше 4 БПМ - назван относительно узкий слой, обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать **прямое влияние** на процессы модернизации общества. Согласно табл. 2, верхний слой белорусского общества, составляющий 13,5%, располагает примерно 1/3 всех среднедушевых денежных ресурсов, тогда как верхний слой российского общества, составляющий 22,5%, располагает почти 1/2 всех среднедушевых денежных ресурсов. Подобная ситуация

Таблица 2. Распределение общего объема располагаемых ресурсов населения Республики Беларусь и Российской Федерации (в % от числа опрошенных)

	Беларусь					Россия				
	2000	2002	2004	2006	2010	2000	2002	2004	2006	2010
Располагаемые ресурсы, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>в том числе по квинтильным (20-процентным) группам населения:</i>										
Первая (с наименьшими ресурсами)	9,3	9,3	9,9	9,5	9,4	5,9	5,7	5,4	5,3	5,2
Вторая	13,7	13,7	14,1	14,0	13,9	10,4	10,4	10,1	9,9	9,8
Третья	17,5	17,4	17,7	17,7	17,5	15,1	15,4	15,1	14,9	14,8
Четвертая	22,5	22,3	22,3	22,3	22,5	21,9	22,7	22,7	22,6	22,5
Пятая (с наибольшими ресурсами)	37,0	37,3	36,0	36,5	36,7	46,7	45,8	46,7	47,3	47,7
Индекс Джини	0,270	0,272	0,256	0,262	0,268	0,395	0,397	0,409	0,416	0,420

Источники: [14, с. 168; 15, с. 196 - 199].

проявляется в значительной разнице коэффициентов дифференциации (в Республике Беларусь - 5,9, в Российской Федерации- 16,5), а также в различии индексов Джини (0,268 и 0,420, соответственно) по данным 2010 года [Соколова, 2010b: 313 - 315].

Сравнение среднедушевых денежных доходов населения свидетельствует о том, что и в Беларуси, и в России они увеличиваются. Но динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения обеих стран, выраженная в сопоставимой валюте, показывает, что экономическое благосостояние в России примерно вдвое выше, чем в Беларуси. И за последнее десятилетие это показатель почти не изменялся (табл. 3) [Соколова, 2010b: 308].

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в Беларуси и России в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов определяют специфику развития процессов модернизации в Республике Беларусь и Российской Федерации. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в Беларуси и России определяется выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или "шоковая терапия"

В белорусском обществе социально ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью **выравнивания** их материального положения (при коэффициенте дифференциации - 5,9), что приводит к аккумуляции около половины населения в диапазоне денежных доходов от 1 до 2

Таблица 3. Среднедушевые денежные доходы населения Республики Беларусь и Российской Федерации, в месяц

	Годы				
	2001	2002	2004	2006	2010
Республика Беларусь, тыс. бел. руб.	96,2	143,5	250,7	422,4	952,4
Российская Федерация, тыс. рос. руб.	2,28	3,95	6,41	10,196	18,552
Республика Беларусь, долл. США	44,0	65,5	115,0	195,2	317,4
Российская Федерация, долл. США	85,0	113,0	237,4	384,3	618,4
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения России и Беларуси в сопоставимой валюте	1,9	1,7	2,0	2,0	1,95

Рассчитано по: [14, с. 163; 15, с. 179].

БПМ. Это означает, что около половины населения находится в режиме **простого воспроизводства своей рабочей силы**, обладает традиционным (консервативным) типом мышления и вынужденным типом экономического поведения.

В *российском* обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации - 16,5 - рис.), что означает усиление социальных различий между стратами с разным денежным доходом по всем названным признакам, возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и залогом стабильности [Соколова, 2010b: 316].

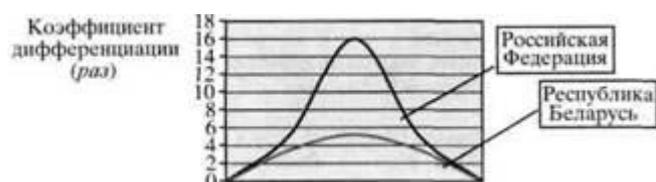


Рис. Сравнение высот экономической пирамиды в РБ и РФ (по коэффициенту дифференциации среднедушевых денежных доходов населения).

Таким образом, принятая в обеих странах "стратегия инновационно-технологического прорыва", когда инновации выступают как "точки роста" в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в **технологическом** контексте, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной в **социальном** плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики. В трактовке современных теорий модернизации, технологические инновации как ведущая сила нового этапа модернизации должны быть интегрированы в само "тело" социальной структуры общества. Между тем, судя по действиям государственных органов и выделяемым ресурсам, речь идет о технократической модели модернизации, связанной со "сжатием" так называемой гуманитарной сферы общества.

Велика вероятность того, что модернизация через стратегии инновационных прорывов может быть "консервативной" по идеологии (ограничиться некоторым технологическим и организационным усовершенствованием, без изменения принципов экономического и социального устройства общества); элитарной по масштабности (осуществляемой "сверху", в условиях ограниченного модернизационного эксперимента); технократически ориентированной по вектору ценностей гражданского общества. Отсюда следует, что интеллектуальный разрыв между "островами" модернизации и

остальным обществом может увеличиваться, потенциально создавая опасность внутреннего разделения населения обеих стран на "развитый центр" и "бедную периферию". Общество, отстраненное от участия в процессе модернизации, разделится надвое. Одна его часть - меньшая, но активная - будет продолжать бороться за свои базовые права и свободы и сохранение среды обитания, другая - большинство, составляющее пассивные "средние слои", - будет следовать стандартам потребительского общества. Может углубляться двойной раскол: между центром и периферией (столицей и регионами), а также между средними слоями, составляющими социальную платформу общества, и верхним слоем в обеих странах.

Что предлагается делать? Переходить к органической модернизации, с привлечением всех слоев населения "снизу", усилением их трудовой мотивации, осознанным включением в процессы модернизации. Альтернатива должна исходить из того, что органическая модернизация связана с повышением благосостояния **всех** слоев населения, развитием качественного образования и качественного здравоохранения, включенностью подавляющей части общества в процессы модернизации. Альтернатива должна способствовать **расширению** коридора экономических и социальных возможностей за счет повышения активности, адекватной трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою жизнедеятельность. "Догоняющая" модернизация, безусловно, отягощает решение возникающих технологических и социальных проблем, которых можно было бы избежать при органической модернизации. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана - без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы - залог успеха любого национального проекта модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л. А.* Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социол. исслед. 2011. N 10.
- Глазьев С. Ю.* Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm> (Дата обращения: 06.06.2010).
- Инновационный тип развития экономики России. М.: РАГС, 2005.
- Российский статистический ежегодник, 2011. М.: Росстат, 2011.
- Соколова Г. Н.* Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. 2010а. N 7 - 8.
- Соколова Г. Н.* Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск: Беларус. навука, 2010b.
- Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. Минск, 2011.
- Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Шимов В. Н.* Структурная трансформация промышленного комплекса страны: императивы и направления реализации // Социология. 2010. N 1.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Яницкий О. Н.* Модернизация в России и вокруг: конспект // Социол. исслед. 2011. N 5.
- Alexander, J.C.* Post-modernization Theory. Uppsala: SCASSS, 1992.
- Dahrendorf R.* Reflections on the Revolution in Europe. London: Chatto & Windus, 1990.
- Tiryakian E.A.* Dialectics of Modernity: Reenchantment and Differentiation as Process. Beverly Hills: Sage, 1992.